ВИЛЬНЮС В РОМАНЕ Р. ГАВЕЛИСА «ВИЛЬНЮССКИЙ ПОКЕР»¹

Ричардас Гавелис (Ričardas Gavelis, 1950 – 2002) – литовский прозаик, драматург, публицист и, как отмечают авторы-составители антологии современной литовской литературы «Социальное изменение», – «легенда литовской литературы» [3, p.16]².

«Вильнюсский покер» (“Vilniaus pokeris”, 1979 – 1987 гг.) – первый роман, переведенный на английский язык (2009 г.). Другие произведения прозаика переведены на финский, немецкий, латышский и польский языки. Р. Гавелис писал рассказы и пьесы и в 80-х гг., но в условиях небезызвестной советской цензуры он не мог даже и подумать о публикации романа. Писатель полагал, что в романе истинный художник слова не может обойти вниманием ни социальные, ни политические проблемы. Поэтому его амбициозный и многогранный роман «Вильнюсский покер» был опубликован лишь в 1989 году. Книга появилась в период национального возрождения и подъема, подверглась нападкам критиков за откровенные сексуальные сцены и эротизм, но оказалась востребованной и популярной.

Жизнь главного героя романа Витаутаса Варгалиса происходит в Вильнюсе. Последний у Р. Гавелиса представлен в большей части как бездушная, приходящая в упадок столица бывшей советской республики: «До меня дошло, что мой город умер и больше никогда не восстанет из мертвых. Весь Вильнюс ослабел и стал приглушенным; все, что осталось от него – это кривые <...> маленькие улочки и грязные дворы с побеленными туалетными кабинками. Город ужаслся до узких, обветшалых зданий, до царства пивнушек на первых этажах» [2].

Описание города у прозаика почти всегда соответствует настроению героя. «Бесстрастная вильнюсская осень задерживается, воздух пахнет влажной пылью <...>. Никто не проезжает мимо, все забыли нас, Вильнюс покинул нас <...>. В такие вечера Вильнюс <...> произносит шепотом хриплые, загадочные слова, соблазняет и манит вас, заглатывает вас и **выплевывает** <...>. Вы видите сырые, охваченные сумерками здания Вильнюса, которые скрываются в темных углах улиц, каждое по-разному [выделено нами. – Д.П.]» [2].

Будучи «выплюнутым» из пространства города, герой романа часто разговаривает с рекой Нярис: «Я поднимаю небольшой камень и бросаю его в поток. Вы чувствуете, что река что-то произнесла, но <...> проезжали автомобили. Вам нужно послушать, как Нярис разговаривает в тиши ночи, но, возможно, не там, где режут автомобили» [2]. Для Витаутаса, как впрочем, и для самого автора, Нярис – река времени города, которая является и рекой памяти: «Сама она ничего не помнит, она просто несет память других» [2], она несет городу секретное знание и «смывает грязь его души» [2]. Герой заключает, что Нярис

¹ Настоящая работа выполнена в рамках стажировки автора в Литовском эдукологическом университете (*Lithuanian University of Educational Sciences*) по гранту на проведение научного исследования от образовательного фонда *Education Exchanges Support Foundation* (октябрь – декабрь 2014 г.).

² Перевод англоязычных цитат здесь и далее наш. – Д.П.

помнит многое, просто иногда нужно послушать, что говорит река. Витаутас часто ее слышит.

Полагаем, что в романе Р. Гавелис довольно часто противопоставляет динамику реки статичности города. Последняя связана с так называемым вильнюсским синдромом и болезнью Коварскиса. Рассмотрим этот аспект подробнее.

Врач Коварскис, знакомый Витаутаса Варгалиса, уже много лет изучает человеческий мозг и его патологии. Наконец, он совершает открытие, которое называет вильнюсским синдромом. Показателен в этом отношении следующий диалог между обоими: «“Я назвал это вильнюсским синдромом”. – “Вильнюсским? Не Коварскиса?” – “Я не мог не поделиться своим открытием с Вильнюсом”. – “Синдром? Синдром представляет собой определенный комплекс симптомов”. – “Умница! Отлично образованы! И вы думаете, что шишечка как эта, расположенная прямо у гипоталамуса, не вызывает, как вы говорите, “определенный комплекс симптомов”? Я обнаружил ее. Эта болезнь Коварскиса, которая приводит к вильнюсскому синдрому”» [2].

Основным симптомом болезни Коварскиса является особое выражение лица человека. С «вильнюсским выражением» существует довольно большое количество людей. Так, по мнению врача, в Вильнюсе таковых от семидесяти до девяноста процентов. Однако болезнь существует не только в Вильнюсе, она распространилась повсюду. «“Самым главным является затемнение мозга”, – Коварскис читает лекцию в монотонной манере, раскачиваясь взад и вперед, как будто гипнотизируя меня. – “Один пациент объяснил мне это так: мысли становились мягкими и теплыми, <...> становились все лучше и лучше. Чувство беспомощности больше не тревожит”» [2]. Далее доктор продолжает: «“Чувство любви исчезает... Самоуважение... Гордость...”, – пальцем он выводит слова на хирургическом столе, на животе девушки, на своих коленях. – “Язык меняется. Иногда мне кажется, я мог бы мгновенно узнать кого-то, страдающего вильнюсским синдромом, с закрытыми глазами по той манере, с которой он разговаривает. Выразительность и настроение исчезают”» [2]. Далее «странные шишечки» появляются в самых неожиданных местах; глаза человека пусты. В конце болезни начинается деформация самого тела, суставы скручиваются. Самым интересным является тот факт, что никто не умирает от вильнюсского синдрома, человек продолжает с ним жить. Деформация тела приводит к неподвижности. Порой кажется, что в романе сам город страдает вильнюсским синдромом: «Я оказался в эпицентре безграничной апатии. Даже наихудший кошмар не мог бы сравниться с моей реальностью. Было бы лучше, если бы все взорвалось или сгорело; было бы лучше, если бы Вильнюс захлестнула волна какого-нибудь нового потопа или он был бы уничтожен космической катастрофой. Было бы лучше, если бы все рассыпалось, разрушилось и рухнуло. Но вокруг меня простирается мертвый пейзаж; звенящая тишина упаковывает город, и неконтролируемый ужас нарастает внутри меня <...>. Никаких признаков апокалипсиса, никакого кровавого зарева. Вильнюс остановился <...>. Вильнюс стал абсолютно безвкусным и беззвучным» [2].

Конечно, то, что в городе ничего и никто не двигаются – плод фантазии Витаутаса Варгалиса. Однако герой не просто видит эту инертность, но, кажется, способен почувствовать ее на вкус. Неподвижный Вильнюс проникает в каждую клетку героя, в каждый его нерв. Витаутас уже никогда не поверит в то, что Вильнюс обретет свои силы и придет в движение: «Великая сила движения исчезла... Вильнюсский синдром выедает у них все... Шишечка болезни Коварскиса выедает у них все... Они беспомощны, и я тоже беспомощен, хотя я все еще двигаюсь. Господь должен существовать, если он только видит это... Как сильно я этого хочу!.. Как я жажду этого!.. Двигайтесь! Вставайте! Выжгите вильнюсский синдром из себя» [2], – призывает он жителей Вильнюса. Однако Вильнюс остался стоять на месте, будучи парализованным. «Труп трупов, как всегда. Возможно, лишь черви внутри его кишок все еще шевелятся» [2].

Глазами Витаутаса абсолютно все в городе является сном. Вильнюс является городом-призраком, городом-галлюцинацией. Герою кажется, что о городе невозможно видеть сны или представлять его себе; он сам по себе является сном или областью фантазии. Витаутас замечает, что среди безликих фигур, прогуливающих по улицам, значительная часть умерших жителей Вильнюса выглядит гораздо живее. Ему не ясно, что же является сном, – старый Вильнюс или Вильнюс сегодняшний.

Однако все же в городе существует и нечто реальное: «Древний замок <...> неизбежно реален: одинокая башня, появляющаяся из заросших склонов холма, является фаллическим символом Вильнюса <...>. Символический фаллос Вильнюса: короткий, приземистый и бессильный. Орган псевдосил, который не смог пробудиться в течение длительного времени. Красная трехэтажная башня, фаллическое НИЧТО, которое бесстыдно демонстрируют всем, представит в образе бессилия Вильнюса. Великий символ кастрированного города, кастрированной Литвы, втиснутый на каждую открытку, в каждый фотоальбом, каждый туристический проспект. Извращенный, бесстыдный символ: его бессилие следовало бы скрыть, а не признавать или, по крайней мере, делать вид, что он все еще способен на вещь или две. Но город уже давно потерял все, даже свое самоуважение. Остались только ложь, абсурдность и страх [заглавные буквы автора – Д.П.]» [2].

Тем не менее, статичный, замороженный Вильнюс приглашает героя «участвовать в фестивале безумия», который, по Р. Гавелису, называется жизнью. Жизнь в Вильнюсе схожа с игрой в покер, в которую, как полагает бездомная, но мыслящая собака из четвертой части романа, играют «безумцы». Каждый игрок прячет свои карты, поднимает ставку в надежде обмануть других. Думается, что игроки никогда не узнают, каковы же карты друг друга. Маловероятно, что кто-то из них выиграет джек-пот. Жизнь – бесконечная игра в вильнюсский покер, «карты тасуются и раздаются смертью, строящей гримасы. Я больше не играю: я выпал из игры. Многие выпали, но Витаутас Варгалис, Левас Коварскис и Стефания Монкевич все еще сидят за столом» [2].

Как указывает автор, у человека нет выбора, он должен родиться человеком. От человека не зависит, в каком конкретном месте и в какое конкретное время он родится. Р. Гавелис задается следующим вопросом: «Возможно,

именно такой и должна быть вся жизнь человека? Без выбора, без свободы? Вам раздают те жалкие карты для игры покер, и с того момента ваша цель состоит в том, чтобы доказать всем, что ваши карты совершенно различны. Не обязательно, что они лучше. Просто, что они другие. Таковы правила игры в покер. Зачем это нужно, если смерть является единственным призом?» [2]. Однако игроки продолжают игру «несмотря на кучу трупов, бессонные ночи, слезы, самоубийства» [2].

Как бы пессимистично ни звучал Р. Гавелис в указанной выше цитате, нельзя не отметить гуманистическое в романе, который является произведением о человеке (любой национальности и вероисповедания). Победить его невозможно: «ЧЕЛОВЕК! Невозможно победить человека. Вы можете убить его, но победить его нельзя никогда. Они забрали у меня все: жену, детей, свободу, любовь, мир, Бога, образование, солнце, воздух, надежду, мое тело; они сделали все, чтобы я больше не был самим собой, но они **не победили меня. И им это не удастся** [выделено нами. – Д.П.]! Моя душа, чье существование они отрицают, – бессмертна [заглавные буквы автора. – Д.П.]» [2]. Таков гуманистический пафос романа.

Вильнюс – это также и город вильнюсских чудовищ, чешуйчатого дракона и василиска, убивающего своим взглядом. Т. Венцлова вспоминает легенду о василиске, который обитал в подземельях бастиона и «взглядом превращал людей в камень. Некий житель Вильнюса победил его остроумным способом, который часто встречается в легендах того времени: пятясь, вошел в подземелье с зеркалом на спине, и чудовище, увидев свое отражение, окаменело» [1, с. 82].

Витаутасу кажется, что с драконом можно встретиться в любую минуту. Головы вильнюсского дракона многоязычны, что неудивительно, так как ранее в городе проживало множество различных народов. Например, в советское время их насчитывалось восемьдесят. Как указывает Т. Венцлова, «народы – “это воображаемые общины” <...>. Семь национальных групп, иногда не слишком больших, но поселившихся в городе со времен средневековья, принято называть коренными» [1, с. 19]. Неудивительно, что Витаутас вспоминает польские годы Вильнюса, немецкие годы города, годы времен русского правления, однако, никак не может припомнить литовские годы Вильнюса. Герои романа существуют «в городе, превращенном в провинцию силой, в городе на границе России и Западной Европой и заряженным как одним, так и другим духом. В Вильнюсе, в самом дальнем оплоте католической церкви, городе многоголового, многоязычного дракона, угнетающего Василиска, тумана забвения» [2].

Современный литовский ученый и литературовед Н. Клишиене указывает, что в творчестве Р. Гавелиса можно выделить тему «персонафицированного изображения города Вильнюса» [3, р. 16]. С этим нельзя не согласиться: «Сам Вильнюс – его серые брови угрюмо сжаты – спросил меня, за кого я его принимаю: за зверя или за космическую медузу. За окном Вильнюс был облачен в сумерки. Будучи похороненным в овраге, он, казалось, все глубже погружался туда каждую минуту <...>. Если вы бы отошли на пару шагов в сторону, – указывает прозаик, – вы бы сразу же почувствовали сладковатое дыхание болота, запах мирного упадка» [2].

Витаутас понял, что его город умер и никогда не воскреснет из мертвых. «Мертвый город, над которым висит туман смиренного и отвратительного страха. Вильнюс, который я люблю, Вильнюс, который я и есть сам, погребен под лавой сходно Помпеи и под морем, как Атлантида» [2]. Герой романа, безусловно, испытывает тоску по ушедшему Вильнюсу: «Вильнюс оказался мертв надолго: не слышно грохота бочек, катящихся по тротуару, больше нет пестрых вывесок маленьких лавочек, как и тайного сплетения узких улочек. Ушли в прошлое литовский и еврейский кварталы, а ведь именно они были красочными городами в городе. Лицо Вильнюса ушло, все новые районы одинаковы, они – ничто: конгломераты пьяниц, очереди в магазинах и троллейбусные провода. Я смотрю с широко открытыми глазами, но я не могу больше ничего воспринимать <...>. Существует только однообразный, бесконечный сон, который я вынужден видеть не по своей воли» [2].

Осознав, что жизнь покинула Вильнюс, герой романа не остается к нему равнодушным. Спасти этот город уже нельзя, однако, в него нужно верить: «Даже я иногда не могу уловить, что этот лязгающий концентрационный лагерь, задыхающийся от дыма, – мой Вильнюс. То, что эти призраки, бесцельно шатающиеся, не понимая, что остатки их душ окружены колючей проволокой, – тоже жители Вильнюса. Не каждый поверит в Вильнюс. Я обязан верить в него, потому что он дал мне Лолиту» [2]. Верить в город помогает Витаутасу и сам автор: «Вы не можете избавиться от Вильнюса. В мире не существует такого другого города...» [2].

Любопытен и взгляд на Вильнюс бездомной собаки, которая, как уже указывалось нами выше, является призраком друга Витаутаса Гедиминаса. Первоначальный взгляд на Вильнюс и ее рецепция города отличны от той, которые донимали Витаутаса: «Вильнюс <...> появлялся в моих снах как земля чудес, где люди, тигры, кошки, блохи и слоны жили вместе, все они ладили, общались, превращались друг в друга; в городе везде играла музыка, башни тянулись к небу <...>. Я обнаружила, что настоящий Вильнюс – другой, он совершенно разный, но не менее удивительный» [2]. Для «мыслящей» собаки Вильнюса поначалу трудно было привыкнуть к новому городу. Вильнюс казался совершенно другим, нежели тот город, который помнил Гедиминас. Собака больше не видела крыш («собаки не смотрят вверх, они смотрят только вдаль» [2]), четко не видела лиц – вокруг нее были «только коленки и снова коленки» [2].

Призрак Гедиминаса признавался, что никогда не любил бродить по Вильнюсу, однако, теперь – это единственное, что он делал в городе, вывернутом наизнанку. Вильнюс для него казался сном: люди прогуливались медленно, автомобили ездили медленно, порой не было вообще никаких звуков. Собаке приходилось сосредоточиться, чтобы услышать неявный гул. По ее мнению, «Витаутас Варгалис <...> предсказал, что город полностью остановится в какой-то момент. В моих снах он не останавливается вообще» [2].

Прожив в городе достаточно лет, Гедиминас пытается (устаами своего призрака) раскрыть психологию жителей города. Он хочет понять, как людям удастся жить жизнью Вильнюса, вокруг какой оси вращается их мир. Собака

приходит к печальному выводу, что жители Вильнюса «не издают запаха себя-любия <...>. Невежество Вильнюса не издает запаха никакой надежды, это безнадежное невежество. Осью мира Вильнюса является ненависть, страх и слепое черное невежество. Ни одно колесо мира не может вращаться на такой оси. Вильнюс – колесо мира, которое застопорилось» [2].

Еще одной важной характеристикой жителя города является то, что он лжет. Однако жители Вильнюса не могут не лгать, потому что сам Вильнюс лжет. Вот что об этом пишет автор романа: «Вероятно, все города мира иногда лгут. Они хотят показаться красивее, умнее или милее. Это почти невинная ложь. Вильнюс лжет постоянно – последовательно и злонамеренно. Вильнюс хочет обмануть. Возможно, это единственная цель его существования. Он лжет людям <...>, также лжет своим улицам, домам, даже своему прошлому. Сегодня я тоже не верю ночному Вильнюсу. Он хочет притвориться, что он такой же, как всегда. У него хорошо получается. Если бы церковь Святой Анны внезапно исчезла или площадь Гедиминаса превратилось бы в болото, то это бы заметил каждый. Вильнюс обманывает более утонченным способом, его обманы всегда покрыты туманом. Только мыслящая собака может понять их» [2].

«Мыслящая» собака также осознает и нереальность города. В Вильнюсе больше нет ничего реального. Его строения могут изменяться, менять свое местоположения, исчезать, затем появляться снова. Его жители могут находиться одновременно в нескольких местах, одновременно вести себя по-разному, изобретать не только свое будущее, но также и прошлое. Так происходит всегда, так как у них нет ни настоящего прошлого, ни настоящего будущего. Это случается из-за того, что сам город лжет, он и научил лгать своих жителей. Таков Вильнюс бродячей собаки Вильнюса.

Итак, каждый герой романа «Вильнюсский покер» существует в своем собственном Вильнюсе; Вильнюс каждого совершенно разный. Однако каким бы он ни был, город будет существовать (не важно, в оцепенении или в движении), ибо у него появился Пророк: призрак Гедиминаса «сел на середине проспекта и начал выть <...>. Я вою как Железный Волк. Только сейчас я понимаю, что я и есть Железный Волк. Пророк Нового Вильнюса» [2].

Литература

1. Венцлова, Т. Вильнюс: Город в Европе / Т. Венцлова / Пер. с лит. Марии Чепайтите. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 264 с.
2. Gavelis, R. Vilnius Poker (Kindle Edition).
3. Social Change: Contemporary Lithuanian Literature: Anthology / introduction and selection: N. Klišienė. – Vilnius: International Cultural Programme Centre, 2012. – 155 p.